

О ТРАДИЦИИ ЭПИСТОЛЯРНОГО РОМАНА
В «РОМАНЕ В ДЕВЯТИ ПИСЬМАХ» ДОСТОЕВСКОГО

В 1844—1845 гг. Достоевский написал примерно девяносто писем. Больше семидесяти из них появилось в литературных произведениях: пятьдесят три в «Бедных людях», семь в первом варианте «Двойника», а в «Романе в девяти письмах», как и следует ожидать, — одиннадцать. В этой статье я стараюсь связать «Роман в девяти письмах» с некоторыми особенностями поэтики эпистолярного жанра, несомненно известными читателям «Романа в девяти письмах».

По свидетельству Достоевского, он сочинил этот «роман» за одну ноябрьскую ночь в 1845 г. Так ли это на самом деле, трудно сказать, потому что в письме брату Михаилу, где он рассказывает о происхождении этого «романа», можно найти по крайней мере так же много литературного, как и в эпистолярных романах: «Ну, брат, никогда, я думаю, слава моя не дойдет до такой апогеи, как теперь. Всюду почтение неимоверное, любопытство насчет меня страшное. Я познакомился с бездной народу самого порядочного. (...) На днях воротился из Парижа поэт Тургенев (ты, верно, слыхал) и с первого раза привязался ко мне такую привязанностию, такую дружбой, что Белинский объясняет ее тем, что Тургенев влюбился в меня. Но, брат, что это за человек? Я тоже едва ль не влюбился в него. Поэт, талант, аристократ, красавец, богач, умен, образован, 25 лет, — я не знаю, в чем природа отказала ему? (...) Некрасов между тем затеял „Зубоскала“ — прелестный юмористический альманах, к которому объявление написал я. Объявление наделало шуму; ибо это первое явление такой легкости и такого юмору в подобного рода вещах. Мне это напомнило 1-й фельетон Lucien de Rubempré (...). Вечером у Тургенева читался мой роман во всем нашем круге, то есть между 20 челов(ек) по крайней мере, и произвел фурор» (28₁, 115—116).

В этом письме Достоевский, возможно, думает о себе как о занимательном герое романа Бальзака, но в данном случае скорее похож на гоголевского Хлестакова, описывающего удивленным провинциальным обывателям петербургский литературный мир за десять—двадцать лет до того. Будь то действительность или литература, Достоевский явно думает о жанре писем, когда он пишет это письмо. За год перед этим он нарочито отступал от литературного вкуса того времени, когда писал «Бедных людей» в жанре по крайней мере на поколение устаревшего эпистолярного романа, и почти неприлично гордился тем, как принимали эту повесть. А теперь он кончает это письмо о новом эпистолярном

«романе» следующим метаэпистолярным постскриптумом: «Я перечел мое письмо и нашел, что я, во-1-х, безграмотен, а, во-2-х, самохвал» (28₁, 116).

Я определяю письмо не по Аристотелю или Бахтину — не как одну половину диалога, но технически, как текст, который начинается с обращения и кончается подписью. Это определение снимает проблему взаимоотношения писателя с читателем, хотя и затрагивает вопросы о нулевом обращении или подписи, состоящей из одной буквы или нескольких.

Это мое определение не отделяет также литературных писем от писем в реальной жизни (если таковая вообще имеет отношение к делу). Недостаток в моем определении жанра — тот же, что и во всех ученых работах о ранней эпистолярной литературе: каковы критерии ее литературности.

«Собрание настоящих писем часто очень трудно отличить от эпистолярного романа... В одном отношении эпистолярный роман отличается от собрания писем: как бы подробны ни были настоящие письма, в них всегда что-нибудь неясно постороннему. Нам нужен комментарий, который объяснял бы, кто переписывается, на что они намекают в данном месте, какие пропущенные события необходимы для понимания целого и т. д.», — пишет одна исследовательница.¹

Короче говоря, если книга информативна, то это роман, а не собрание настоящих писем. В период великих эпистолярных романов Россия не произвела никаких романистов масштаба Ричардсона, Руссо, Гете или Лакло; и, может быть, только «Бедные люди» Достоевского, два поколения спустя, дают России значительное место в истории эпистолярного романа. «Роман в девяти письмах» — прощание Достоевского с приемами эпистолярной формы. Еще в «Бедных людях» он прибегал ко многим традиционным возможностям эпистолярного повествования. Эти возможности — легкость, с которой читатель может проследить биографии отдельных героев; взаимодействие повествователей, рассказывающих об одном и том же событии; отношение между временной последовательностью повествователей писем и точкой зрения повествования, создающие у читателя ощущение и ожидания, и непосредственности.

«Бедные люди», «Двойник» и «Роман в девяти письмах» восходят к еще одной традиции, вполне реальной традиции грустной строгости канцелярской жизни, в которой живы трафареты XVIII в. Эти формулы, знакомые всем читателям Достоевского из обыденной жизни, дали ему средства выражения, которых мы часто не понимаем сегодня. В 1845 г. один из письмовников позволяет понять общественное и сюжетное значение обращения «милостивая государыня» в тексте «Бедных людей»: «В русском языке форма обращения в письмах к Государю и императорской фамилии определяется законом. — В письмах же к прочим лицам она есть следующая: к высшим нас: *Милостивейший Государь* или *Государыня*; к равным *Милостивый Государь мой*; — в

¹ Wurzbach N. The Novel in Letters. Epistolary Fiction in The Early English Novel. 1678—1740. Coral Gables. University of Miami Press, 1969 P. X.

письмах к гораздо низшим: *Государь мой*; — в письмах к знатным особам, имеющим княжеское или графское достоинство: *Светлейший или Сиятельнейший Князь, Сиятельнейший Граф*».²

Семиотика приветствий, дат и подписей предоставляет возможности, недоступные другим жанрам романа. Даты писем очевидно определяют хронологию романа, но в мире писем, в котором Макар Девушкин вырос, уже одно то, как обозначено число, выражает всю полноту того или иного рода общественных отношений. По письмовнику Н. Сокольского, изданному в годы молодости Макара Девушкина, «число письма полагается иногда вверху, когда пишут к низшему. С равными себе лучше полагать его в конце: при том надобно в том согласиться, что гораздо учтивее полагать его после подписи, особливо когда пишем к знатным особам, или высшим, хотя и вошло в обыкновение полагать его на стороне против подписи. В письмах не должно беречь учтивостей, и быть в оных скуп; лучше, как мы сказали, быть с лишком учтиву, нежели не быть довольно учтиву».³

Как большинство читателей «Бедных людей», Макар Девушкин, конечно, инстинктивно понимал семантику частей писем, но ориентировался он на литературный, а не на канцелярский язык письмовников. «Роман в девяти письмах», наоборот, скорее вызывает аналогии с письмовником Н. Сокольского. Иван Петрович пишет, в частности, в четвертом письме «Романа в девяти письмах»:

«Рассчитываете, может быть, на скорый отъезд мой в Симбирск и думаете, что не успею концов свести с вами. Но объявляю вам торжественно и свидетельствуясь при том честным словом моим, что если пойдет на то, то я нарочно готов буду еще целых два месяца прожить в Петербурге, а дела своего добьюсь, цели достигну и вас отыщу. И мы умеем подчас действовать в пику. В заключение же объявляю вам, что если вы сегодня же не объяснитесь со мною удовлетворительно, сперва на письме, а потом личным образом, с глазу на глаз, и не изложите в вашем письме вновь всех главных условий, существовавших между нами, и не объясните окончательно мыслей ваших насчет Евгения Николаича, то я принужден буду прибегнуть к мерам, вам весьма неблагоприятным и даже самому мне противным.

Позвольте пребыть и т. д.» (1, 234).

У Сокольского, в разделе «Письма, выговор или жалобу содержащие», есть сходные угрозы:

«Государь мой,

Я давно примечаю из ваших поступков и оборотов, что вы хотите нарушить данное мне слово; и есть ли это сделается, то я вас почту за жесточайшего себе врага. Вы меня давно знаете, я не люблю, чтоб надо мною смеялись, и не могу этого сносить спокойным духом. Поверьте

² Образцовый Письмовник, или Хрестоматия писем, содержащий в себе письма на разные случаи жизни общественной. М., 1845 С. 5..

³ Сокольский Н. Кабинетский и купеческий секретарь, или Собрание наилучших и употребительных писем. М., 1795. С. 26.

мне в сем случае, храните верность и не доводите меня до крайности, иначе лишусь я удовольствия быть, Государь мой, Вашим и пр.

Иван Петрович».⁴

Наверное, ни Достоевский, ни преобладающее большинство читателей «Романа в девяти письмах» не знали письмовника Н. Сокольского, но все они читали хотя бы один из сотни подобных письмовников или некоторые письма великого множества полуграмотных людей, пользовавшихся такими письмовниками. И все русские письмовники восходят к западным письмовникам, к которым восходят романы Ричардсона и которые в свою очередь сами восходят к возрожденческим, византийским и эллинистическим текстам. Почти за две тысячи лет до Достоевского Псевдо-Димитрий сочинил или, наверное, позаимствовал откуда-то следующее письмо:

«Если вы думаете, что вам не придется дать отчет в том, что вы предпринимаете, что ж, попробуйте, сделайте это. Но вы ясно увидите, что, ни восходя на высоты, ни спускаясь в глубину, вы никак не сможете отвратить возмездие. Ибо вы не найдете никаких средств, чтобы избежать страдания».⁵

Когда Достоевский прибегал к этой древней традиции, он, наверное, не знал, что Псевдо-Димитрий составил полный список типов писем: дружеских, хвалебных, укоризненных, ругательных, утешительных, наставительных, официально-ругательных, угрожающих, язвительных, превозносящих, соблезнующих, просительных, вопросительных, аллегорических, дающих отчет, обвинительных, извинительных, поздравительных, иронических, благодарственных.⁶

Сопоставив список Псевдо-Димитрия с «Письмовником» Сокольского, мы представим себе преемственность той эпистолярной традиции, к которой Достоевский прибегает в своих ранних произведениях:

«Кабинетский и купеческий Секретарь, или Собрание наилучших и употребительных писем, как то: похвальных, рекомендательных, советовательных, увещательных, просительных, услугу предьявляющих, благодарительных, утешительных, поздравительных, нравоучительных, выговор или жалобу содержащих, извинительных, дружественных, с краткими для сочинения оных наставлениями».

Достоевский, его герои и его читатели вполне сознавали не только семиотику композиционных частей писем, но и таксономию писем. В «Романе в девяти письмах» он испытал новый для него жанровый тип, прежде чем окончательно отойти от эпистолярного романа. Но наука о письмах — только один из источников, взаимосвязь которых, по моему мнению, составляет главное достоинство «Романа в девяти письмах».

В «Бедных людях» в центре фабулы (по Шкловскому) стоит судьба Варвары, любимой Макаром, Быковым, Покровским и ее родителями. В центре же фабулы «Романа в девяти письмах» — не женщина, а два

⁴ Там же. С. 425.

⁵ *Malherbe Abraham T. Ancient Epistolary Theorists. Atlanta Scholars Press, 1988. P. 37.*

⁶ *Ibid. P. 31.*

шулера, которые договорились обокрасть одного молодого человека, который в свою очередь пользуется знакомством с ними, чтобы оболстать их жен. Это несерьезная фабула: даже в течение одной ночи Достоевский мог бы и получше придумать — так думало множество критиков, начиная с Белинского.

Сюжет же (по Шкловскому) «Романа в девяти письмах» почти не привлек внимания критиков, хотя и заслуживает большего. В первом письме сообщается, что Петр Иванович энергично ищет Ивана Петровича повсюду в городе: «Одним словом, измучился совершенно; судите, как я хлопотал! Теперь пишу к вам (нечего делать!)» (1, 230). Формалисты назвали бы такую фразу мотивировкой, объяснением возникновения текста. Сначала в Европе эпистолярный роман имел успех потому, что сама его природа объясняла существование текста, и некоторые историки романа считают, что он вышел из моды, когда читатели привыкли к роману как литературному жанру, не нуждающемуся в мотивировке. Это «первое письмо» сильно нарушает информативный принцип, отличающий эпистолярные романы от собраний настоящих писем: здесь упомянуты и ребенок, у которого прорезаются зубки, и некие Семен Алексеич, Иван Андреич, Чистоганов, Перепалкин и Симоневич — без малейшего намека на то, что они менее важны, чем Евгений Николаич, жертва интриги шулеров, или их жен, имена которых упоминаются наряду с остальным.

Следующее письмо проясняет литературную природу первого:

«Получаю вчера письмо ваше, читаю и недоумеваю. Ищете меня Бог знает в каких местах, а я просто был дома» (1, 231). Это — формула греческой и римской комедии, в которой очень часто бегущий невольник, вестник с очень важными сведениями, ищет хозяина повсюду, причем иногда он в панике пробегает даже между ног хозяина. Но эта фраза также и сводит на нет мотивировку рассказа, даже сильнее, чем квартиры Макара и Варвары, находящиеся в одном и том же дворе, как бы аннулируют эпистолярную мотивировку «Бедных людей».

В этих двух письмах и далее, до шестого письма, читатели не могут свободно ориентироваться именно потому, что это собрание писем слишком похоже на настоящую переписку, включающую так много лишнего и непонятного. Это неплохой пример того, что французы называют «*curiosité*» в отличие от «*suspense*». Если вторая исходит из того, что будет, первая восходит к неизвестности или неясности того, что делается сейчас. Итак, первые шесть писем восходят не к традиции эпистолярного романа, а к настоящим русским письмам, которые сами часто восходят к письмовникам. Тот факт, что ученый издатель, при отсутствии информативности, все же был бы уверен, что это настоящее собрание писем, — почти доказательство реализма (когда то, что кажется, кажется тем, что есть).

Наконец в конце шестого письма фабула проясняется. Жулики обокрали Евгения Николаича и друг друга. В восьмом и девятом письмах оказывается, что Евгений Николаич обдурил их, но не в картах, а в любви. Здесь опять-таки сюжет гоголевский. В «Игроках» Гоголя жертва обводит вокруг пальца шулеров, убегая с их деньгами. У Достоевского шулеры теряют не деньги, а жен, примерно так, как в «Бедных

людях» Достоевский переименовал потерянную шинель, превратив ее в потерю драгоценной человеческой личности. Не деньги — на деньги (как у Гоголя), а деньги — на жен.

Здесь, в шестом письме «Романа в девяти письмах», начинается переход от одного литературного жанра к другому, от реалистического, имитирующего непонятные постороннему детали настоящих писем и пользующегося древними приемами, — к другой, тоже классической традиции, к фабуле римских и «новых» греческих комедий об оболщенных женах, как у Теренция и Менандра.

Так что вопрос о жанровых истоках «Романа в девяти письмах» не так прост, как это представляется на первый взгляд.